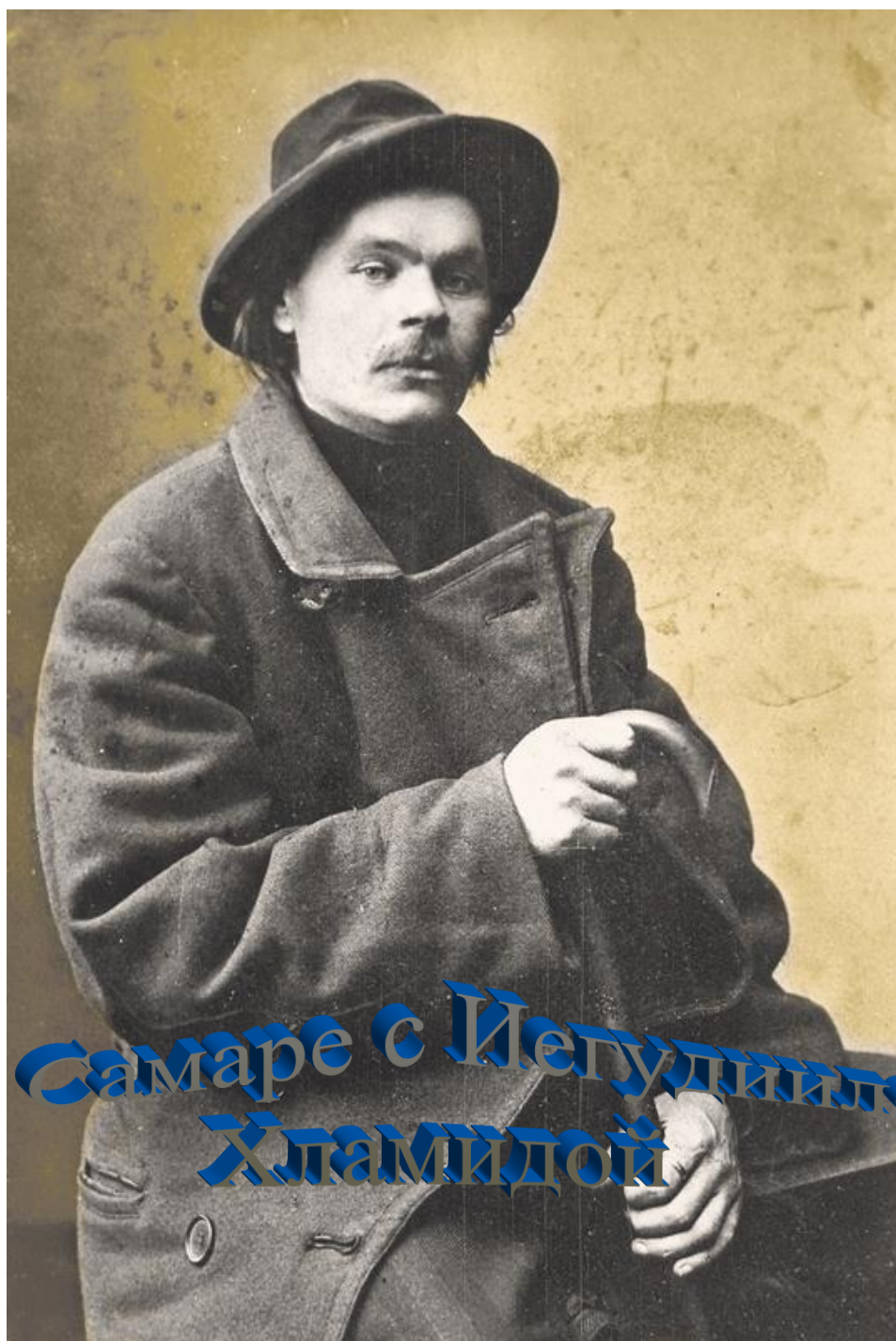

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
ГБУК «САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ЮНОШЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

по Самарe с Иегудиком
Хлаמידой

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

САМАРА, 2018

По Самаре с Иегудиилом Хламидой: литературно-исторический экскурс / сост. Е.Е. Цупрова; Самарская ОЮБ. – Самара, 2018. – 34 с.: ил.

Отзывы и предложения просим направлять по адресу:

443110 г. Самара, пр. Ленина, д. 14

Самарская областная юношеская библиотека

Телефон 334 - 45 - 80

Е-mail: zuprova@soub.ru

Сайт Самарской ОЮБ:// www.soub.ru

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В 2018 году исполнилось 150 лет со дня рождения Максима Горького (А. М. Пешкова) (1868-1936). Судьба этого яркого и мятущегося литератора XX века оказалась связанной с Самарой. В нашем городе Максим Горький жил с 23 февраля 1895-го по 13 мая 1896 года. Недолгое пребывание в Самаре оставило заметный след как в творчестве и личной жизни писателя, так и в культурной и общественной жизни Самары. Поэтому нельзя не согласиться с Екатериной Пешковой (Волжиной): «Самарский период – один из важнейших периодов в жизни Горького».

Самара для писателя стала школой жизни и совершенствования литературных дарований.

Сотрудничество в «Самарской газете» имело для становления Горького-литератора очень большое значение. Будучи газетным работником, он по существу впервые стал заниматься систематическим литературным трудом. В период пребывания в нашем городе отчетливо обнаружилась многогранность личности Горького — беллетриста, поэта, публициста. В Самаре нашла свои более определенные очертания революционно-романтическая тема, благодаря систематической журналистской работе сформировались реалистические тенденции. Алексей Максимович определяет для себя важнейшие особенности своего отношения к жизни, своего понимания задач художника. Здесь, в Самаре, появились первые горьковские рассказы о босяках. Один из этих рассказов — он так и назывался «Два босяка» — был опубликован в «Самарской газете» еще до приезда Горького в Самару. Им фактически и открылся цикл самарских произведений о жертвах социальной несправедливости. За 1895 - 1896 г.г. в «Самарской газете» были напечатаны рассказы «На плотях», «Рассказы старухи Изергиль», «История с застежками», «Однажды осенью», «Красавица», «Вывод», «Дележ», «Огорчение», «Сказка», «Ма-аленькая», «Колюша», «Одинокий», «Неприятность», «О том, как поймали Семагу», «Бабушка Акулина», «Извозчик», «Теневые картинки», «В Черноморье» («Песня о Соколе»). Рассказ «Челкаш», написанный в Самаре, был опубликован в журнале «Русское богатство».

В Самаре Горький обрел личное счастье и душевный покой (брак с Екатериной Павловной Волжиной), встретил близких по духу людей (К.К. Познера, С.Г. Петрова и др.).

Горький немало сделал, чтобы оживить и обогатить культурную и духовную жизнь Самары (он называл наш город «русским Чикаго») конца XIX века. Он стал инициатором создания самарского общества книгопечатников.

После отъезда из Самары Горький продолжал публиковаться в местных газетах. Приезжал в Самару в июне-июле 1898, а перед этим гостил в Сызрани в апреле-мае. Следующие приезды в Самару – осень 1899, август 1928 и 1929 во время путешествий по Волге.

Предлагаемый ГБУК «СОЮБ» литературно-исторический экскурс «ПО САМАРЕ С ИЕГУДИИЛОМ ХЛАМИДОЙ» адресован прежде всего молодежи. Его цель – показать пребывание М. Горького в Самаре основываясь на современных литературоведческих подходах, преодолеть штампы «буревестник революции» и «основоположник социалистического реализма» и акцентировать внимание на Горьком-человеке.

ПО САМАРЕ С ИЕГУДИИЛОМ ХЛАМИДОЙ

ЛИТЕРАТУРНО – ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Талант смеялся ... Бирюзовый штиль,
Сияющий прозрачностью зеркальной,
Смеялся в нем вспенённостью сверкальной,
Морской травой и солью пахнул стиль.
Сласть слез соленых знала Изергиль,
И сладость волн соленых впитала Мальвой.
Под каждой кофточкой, под каждой тальмой-
Цветов сердец зиждательная пыль.
Всю жизнь ничьих сокровищ не наследник,
Живописал высокий исповедник
Души, смотря на мир не свысока.
Прислушайтесь: в Сорренто, как на Капри,
Еще хрустальные сочатся капли
Ключистого таланта босяка.*

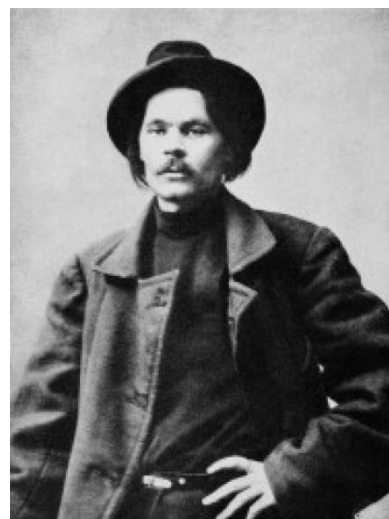
Игорь Северянин

Эти строки знаменитый «король поэтов» Игорь Северянин посвятил Алексею Максимовичу Пешкову, более известному под псевдонимом Максим Горький.

Излом XIX и XX веков. Алексей Пешков молод, ершисто-насмешлив, амбициозен ... Уже или только 27 лет ... Ему еще предстоит ощутить вкус славы, дурмящий аромат успеха. Таким появляется Алексей Пешков в Самаре. Чтобы стать Максимом Горьким.

Сам Горький признавал, что телом он родился в Нижнем Новгороде, духовно в Казани, а как писатель в Самаре.

Представьте себе тихую, провинциальную Самару в 1895 году. Вдруг на ее улицах появляется очень странный молодой человек, экстравагантно одетый, радикально настроенный литератор. Безусловно, это производит впечатление на самарскую публику. Сотрудник редакции «Самарской газеты» А. А. Смирнов-Треплев, близко знавший А.М. Горького, так сообщает о появлении будущего знаменитого писателя в нашем городе:

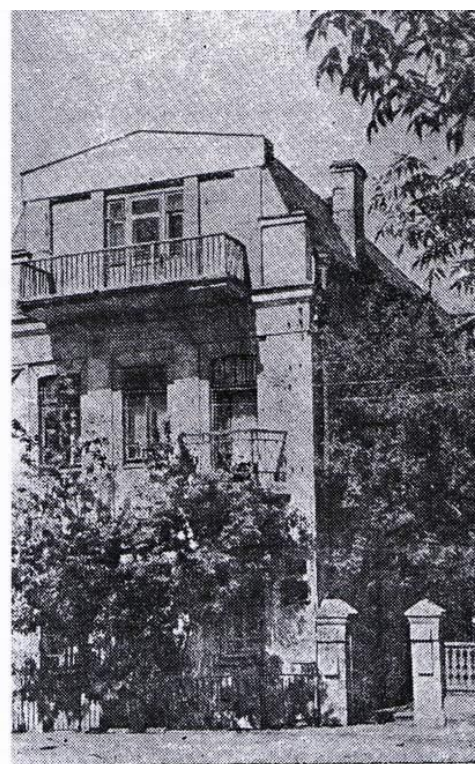
«Весною 1895 года самарские обыватели с любопытством разглядывали появившегося в их городе юношу – оригинала ... С длинными волосами, постоянно падавшими на лоб, в странном сборном костюме, состоявшем из косоворотки - бумажной или суконной, штанов, татарских цветных сапог, сверху - в раздувающейся на ходу «крылатке» и черной широкополой шляпе». Добавим еще странную суковатую палку, гламурного бирюзового цвета штилеты ... Есть от чего прийти в недоумение благопристойному самарскому обывателю!

А какая тогда была Самара, каким увидел наш город молодой Горький? Пригашаем познакомиться с различными достопримечательностями нашего города, связанными с пребыванием А.М. Горького.

ОБЪЕКТ № 1

Дом Д.С. Кишкина (ныне Степана Разина, 126).

Первоначально залетевший в Самару «буревестник» грядущих русских революций обосновался на улице Москательной (сейчас она носит имя другого классика русской литературы - Льва Толстого). К сожалению, дом не сохранился. Очевидно, Алексею Максимовичу там не очень понравилось и через два месяца он перебирается на другую квартиру. В поисках жилья ему помогало семейство Позернов, сразу принявшее живейшее участие в судьбе приехавшего в Самару журналиста. Мария Сергеевна Позерн порекомендовала Горькому поселиться в доме своего брата — частного поверенного Дмитрия Сергеевича Кишкина на улице Вознесенской (теперь Степана Разина, 126). В скромном подвальчике этого дома и разместился Алексей Максимович, которому еще только предстояло стать всероссийской и мировой знаменитостью.

При взгляде на жилище писателя бросается в глаза неприхотливость, почти девическая опрятность обстановки. В быту Алексей Максимович отличался аскетизмом и не любил обременять себя вещами. Комната напоминала монастырскую келью — небольшая, но и не маленькая, квадратная, с чисто выбеленными стенами и потолком, с опрятным крашеным полом. Довольно высоко от пола помещенные окна, притом же почти квадратные, заставляли вспоминать и одиночную камеру.

Ломберный столик, служивший Алексею Максимовичу письменным, простая железная кровать, застеленная серым одеялом из грубого солдатского сукна, два венских стула, аккуратные стопки книг на столе и на подоконнике — вот, пожалуй, и вся нехитрая обстановка, в которой он жил и творил. Два-три портрета в рамках и несколько фотографий были единственным украшением стен, не считая небольшой висячей этажерки с книгами.

В Самару Алексей Максимович привез с собой небольшую библиотеку. Но, как свидетельствуют современники, она состояла из весьма интересных, неожиданных для революционного романтика книг. Он с удовольствием обращался к «старомодным» «Разговорам с Гете» Эккермана, «Рассказам из времен Меровингов» французского историка Тьерри. На книжной полке бравирующего своими нищезанятием и атеизмом молодого человека можно было видеть Библию, Коран, Талмуд, Масперо — «Религии востока», «Сутта-Нипата» - книгу буддийских изречений и псалмов. По-восточному цветистые, мудрые изречения из них украсят газетные фельетоны Горького.

Друзья вспоминают, что к книге Алексей Максимович относился с подчеркнутым уважением. Он обращался с ней с какой-то нежной заботливостью, при первой возможности облакая в красивый, иногда дорогой и всегда тщательно выбранный переплет.

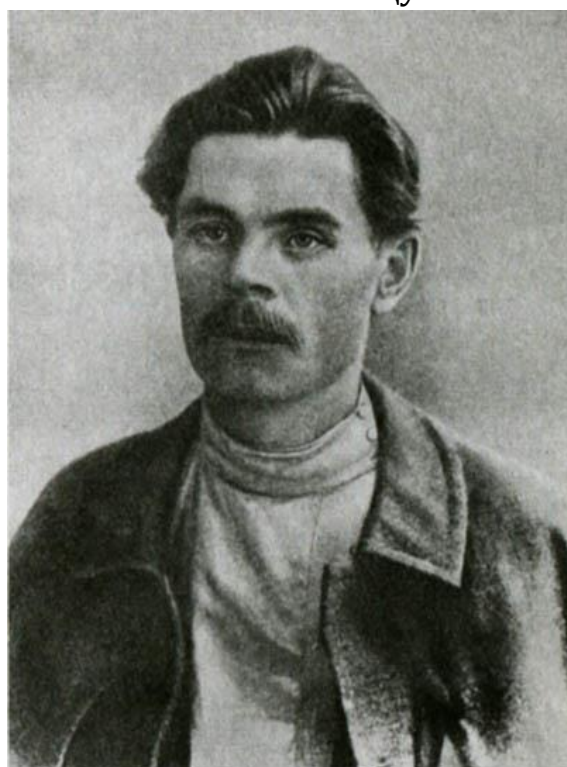
У Кишкиных Горький прожил до декабря 1895 года, когда перешел на другую квартиру на Дворянской (теперь

Советской) между Панской (Ленинградской) и Заводской (Венцека), в антресоли дома, в бельэтаже которого помещалось Общество взаимного кредита. По просьбе М. С. Позерн его приняла «на хлеба» ее невестка Анастасия Уаровна Лялина, женщина образованная, стоявшая во главе небольшой школы для детей младшего возраста. Здесь, как и в семье Кишкиных, он встретил большое уважение к себе и заботливость. Комната была сухая, теплая, но опять с недостатком — полутемная. Впрочем, в распоряжении Алексея Максимовича была вся квартира приветливой хозяйки. Да Горький как будто не обращал внимания на обстановку, видимо, поглощенный процессом усиленного, почти лихорадочного творчества.

В Самаре Горький был еще (как тогда говорили) «в великих потенциях»: безвестный молодой человек только начал ощутительно проявлять заложенные в нем великие силы. Немногим дано было осознать, какое примечательное явление в области художественного слова и общественно-политической мысли представляет этот самородок. Самарский «бомонд» и не подозревал, что где-то в подвале зреет и разворачивается литературный талант. Большинство «интеллигентов» только презрительно подсмеивались над костюмом Иегудииила Хламида, не сумев разглядеть Максима Горького. Когда писатель стал всероссийской знаменитостью, некоторые самарцы удивлялись и не верили.

— Это тот самый? В разлетайке? Иегудииил Хламида?! Нет, не может быть!

Дома, где жили близкие Горькому по духу люди – семьи Позерн (Вознесенская улица - теперь Степана Разина), Тейтелей (пересечение Предтеченской (Некрасовской) и Садовой

Алексей Максимович, хотя и поначалу ощущал себя в Самаре «чужестранцем», но, конечно, не замыкался в тесных стенах снимаемых комнат. Он достаточно быстро перезнакомился чуть ли ни со всей самарской демократической интеллигенцией.

С большой симпатией А. М. Горький относился к семейству Позернов - Карлу Карловичу и его супруге Марии Сергеевне.

Горький знал еще по Нижнему брата К.К. Позерна - П.К. Позерна - нижегородского городского врача, друга историка-краеведа Гацисского и В.Г. Короленко. Это знакомство и привело Алексея Максимовича в дом Позернов.

Карл Карлович и Мария Сергеевна Позерны приехали в Самару в середине в 70-х годов XIX века.

«К. К. Позерн, сын обрусевшего выходца из Саксонии, по окончании Московского университета был вынужден покинуть Москву по прикосновенности к нечаевскому делу и поселился в Самаре, где вступил в сословие присяжных поверенных и скоро сделался одним из крупнейших адвокатов Поволжья и видным прогрессивным общественным деятелем» - сообщал А. Смирнов-Треплев. Супруга Карла Карловича Мария Сергеевна – дочь русского дворянина, рано овдовевшая и воспитывающая сына от первого брака.

Карл Карлович Позерн (несмотря на политическую неблагонадёжность) принадлежал к самарской элите, был адвокатом «высшего эшелона». Он, например, защищал интересы фон Вакано и самого самарского вице-губернатора.

Успешная юридическая карьера не мешала активной общественной деятельности. Вместе с известным врачом-публицистом В. О. Португаловым К.К. Позерн принимал участие в устройстве народных чтений – первых в Самаре. Он десятки лет работал в «Самарском обществе поощрения образования», поддерживавшем бедную учащуюся молодежь, преимущественно тех «кухаркиных детей». К.К. Позерн был активным членом Общества поощрения народной трезвости, Общества Красного Креста.

В доме Позернов был своего рода общественно-литературный салон. Здесь можно было встретить множество незаурядных людей. Например, писателя-народника Златовратского, лысого, немолодого, с бахромой длинных волос, спускавшихся с затылка на воротник черного сюртука, сгорбленного, очень молчаливого. С ним был чрезмерно высокий и тонкий, красавец лицом студент, высланный в Самарскую губернию, В.С. Миролюбов. Он обладал феноменальным басом, пел одно время в московском Большом театре под фамилией Миронова. Позднее приобрел широкую известность как редактор популярного «Журнала для всех», в котором принимал участие Горький.

А. Смирнов-Треплев в своих воспоминаниях так описывал демократическую, творческую, очень привлекательную для Горького атмосферу дома Познеров: *«В доме Позерн Горький слышал отголоски народнических течений 70-х и 80-х годов. Там поминали имя обвиняемого в «процессе 193-х» их родственника Саблина, участника первого марта, застрелившегося при аресте. Молодежь на вечеринках декламировала и распевала хором вместе со «стариками» стихи Некрасова («Выдь на Волгу» и др.), носила косоворотки и русские или украинские костюмы. Оба супруга пользовались в Самаре исключительной популярностью, как талантливые драматические артисты, с неизменным успехом и очень часто выступавшие не только на любительской сцене, но иногда и на сцене городского театра вместе с профессионалами. Карл Карлович долгое время стоял во главе сильного средствами Музыкально-драматического общества как режиссер и руководитель. Деревянный дом Позерн по вечерам светил своими окнами в глуши пустынной тогда Вознесенской улицы (теперь Степана Разина) ... и был примечателен как центральный в Самаре очаг театральных интересов. Особо бурно пылал он предспектакольной суетой, когда нередко вся семья с «чадами и домочадцами» выходила*

играть. Квартира лишалась в этот день значительной части вещей, отправленных на сцену в качестве обстановки, бутафории и реквизита. После спектакля или концерта за самоваром делились впечатлениями, иногда по вечерам читались новые произведения Салтыкова, В.Г. Короленко, Г.И. Успенского и других писателей. На вечерних «чайных» сборищах присутствовал Алексей Максимович в неизбежной черной блузе с кавказским ремешком, скромный и такой значительный во всем, что говорил».

Алексей Максимович оставил самые восторженные отзывы о членах семейства Позернов. «Женщина редкой духовной и телесной красоты, дивная женщина, человек кристально чистой души», - это отзыв о Зинаиде Карловне Смирновой, жене журналиста Смирнова (Треплева). «Любимый мной человек», - это о матери ее, Марии Сергеевне Позерн. «Жена Позерна, Мария Сергеевна, тогда уже немолодая, откликалась на все призывы общественности и одна из первых оценила талант и большое сердце начинающего писателя и оказывала ему моральную поддержку. - пишет А. Треплев. - Алексей Максимович очень ценил ее участие к нему, советовался с ней по вопросам личной жизни, как с хорошим, умным и сердечным человеком, как с матерью. Этим и объясняется признательность Горького к этой далеко не заурядной женщине, выразившаяся в посвящении ей тома своих рассказов. После отъезда из Самары Алексей Максимович, несколько раз проезжая мимо нее, заезжал к Марии Сергеевне или вызывал ее на пароход и долгое время был с ней в деятельной переписке».

Когда в апреле 1896 года К.К. Позерн скончался, то потрясенный внезапной смертью этого близкого ему человека Горький опубликовал в «Самарской газете» проникновенный некролог, в котором по достоинству оценил незаурядную личность интеллигента-подвижника, игравшего в Самаре роль одного из «огоньков», к которому тянулись молодежь и все более или менее развитые люди: «Как искра в сырой мгле осенней ночи, угас ум, и чувства, придававшие физиономию каждому слову, движению и взгляду, - исчезли куда-то».

«Наиболее ярким» из «веселых праведников» Горький назовет самарского судебного следователя Якова Львовича Тейтеля. Его скромная, уютная квартира на глухих тогда улиц Предтеченской (Некрасовской) и Садовой была еще одним манящим «чужестранцев» «огоньком».

По утрам дверь тейтелевской квартиры не переставала хлопать, пропуская всякого рода «просителей» и «клиентов», излагавших свои нужды, если не Яков Львович, которого нелегко было уловить, то жене. Приходили учащиеся на вылете из учебного заведения за невзнос платы,

евреи, не имеющие «права жительство», студенты и курсистки, ищущие уроков или стипендий, прислуга без места и всякие безработные. Все надеялись на доброту Тейтелей и их знакомства. И действительно, Яков Львович, «приняв дело», нажимал все «кнопки» и принимался теревить всех, кого мог, неотступно хлопоча за клиента.

Алексей Максимович вспоминал, что в квартире Тейтеля «собирались наиболее живые, интересные люди города». Это был своеобразный клуб демократически настроенной интеллигенции Самары. Здесь бывали общественные деятели, писатели, журналисты, актеры, адвокаты, врачи. У Тейтелей встречали известного путешественника по Китаю и Гималаям Г. П. Потанина, исследователя русского раскола Пругавина, пианиста Антона Контского, гипнотизера Фельдмана. В середине 90-х годов в число посетителей тейтелевского «клуба» входили: либеральный председатель Самарского окружного суда, сын декабриста, В. И. Анненков, писатели — Н. Н. Златовратский, Е. Н. Чириков, С. Г. Петров-Скиталец. Частым гостем Тейтелей бывал инженер и писатель Н. Г. Гарин-Михайловский.

Гостеприимство очень часто ассоциируется с хлебосольством. Однако, дом Тейтелей привлекал духовной пищей гораздо больше, чем материальной. Вот что можно прочесть в воспоминаниях Тейтеля: *«Насчет угощения было слабо. Более чем скромные средства хозяина, понятно, исключали возможность накормить весь «клуб». В маленькой столовой шипел самовар, на столе красовались две бутылки пива, две селедки, вареный картофель, тарелка с ломтями колбасы, и все тут. На повторение евангельского чуда накормления толпы несколькими хлебами нельзя было рассчитывать, и хозяин выходил из положения, вывешивая в столовой плакат: «Здесь царит борьба за существование!». Иногда он сопровождался другим объявлением крупными буквами: «Свежая икра. Семга. Ликеры. Фрукты» - и внизу мелко: «В магазине Егорова». Веселая, возбужденная публика со смехом принимала к сведению эти указания и теснилась к самовару, чтобы захватить стакан чаю».*

ОБЪЕКТ № 3. РЕДАКЦИЯ «САМАРСКОЙ ГАЗЕТЫ»
Редакция «Самарской газеты» (ул. Куйбышева, 75; пл. Революции)

Работа в «Самарской газете» была закономерным продолжением всей деятельности Горького в предшествующие годы.

До приезда в Самару Алексей Максимович уже около трех лет печатал в различных провинциальных газетах свои произведения. В них он поднимал чрезвычайно важные вопросы о свободе, о достоинстве и высоком призвании человека, о тяжелых условиях жизни, уродующих человека нравственно и физически, мешающих расцвету человеческой личности.

Сотрудником «Самарской газеты» Алексей Максимович стал по совету известного русского писателя и общественного деятеля Короленко. Владимир Галактионович очень верно почувствовал, что молодой человек с незаурядными литературными

способностями должен начать с работы в газете. Короленко был глубоко убежден, *«что более или менее радикальная, демократическая газета благотворно повлияет на формирование начинающего литератора, сделает широким его общественный кругозор, познакомит с самыми разнообразными явлениями российской действительности»*. Работа в

7 редакцион «Самарской газеты», 1895 год. Горький - крайний слева

газете не только могла дать начинающему писателю богатый жизненный материал, но и приучить к систематическому и кропотливому литературному труду. Журналистская деятельность помогала начинающему литератору учиться владеть многообразием жанров и всматриваться в людей и жизнь, реальность.

В.Г. Короленко неслучайно посоветовал М. Горькому избрать из пестрого спектра российской провинциальной прессы именно «Самарскую газету». Очевидно, она привлекла внимание, заслужила доверие и симпатию Владимира Галактионовича. «Самарская газета» 1895—1896 годов, то есть времени работы в ней Горького, имела репутацию достаточно известной провинциальной газеты прогрессивного направления. В ней подобрался неплохой состав сотрудников — Николай Петрович Ашешов, Александр Александрович Смирнов, Сергей Сергеевич Гусев (Слово-Глаголь), Елена Буланина. Фактически руководителем газеты был Н. П. Ашешов — человек удивительной работоспособности, в трудные минуты чуть ли не в

одиначку писавший целые газетные полосы. На протяжении долгих лет театральный отдел вел А.А. Смирнов, подписывавший свои рецензии о спектаклях псевдонимом— А. Треплев.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

К моменту приезда Горького «Самарская газета» имела уже десятилетнюю историю. В 1883 г. в Самаре появилась первая «большая» газета - «Самарская газета». Основателем ее стал популярный в Самаре актер и антрепренер И.П. Новиков. Газета Новикова имела обширную общественно-литературную программу, однако главным для издателя было не стремление сделать газету рупором общественного мнения, а цели преимущественно коммерческого характера. Новиков пригласил из Москвы группу профессиональных журналистов, набивших руку на работе в бульварных листках. Ловкие и не очень стесняющиеся в средствах писаки стали «фабриковать» газету с расчетом на широкий круг подписчиков. Бойкие фельетоны и стишки будоражили вялого и сонного обывателя. «К серьезной публицистике и вскрытию язв социально-политического строя и эта газета не была способна, да и не пыталась быть оппозиционной, боясь сломить голову.

Газета давала Новикову неплохой доход, но большая часть денег уходила на содержание созданного им театра. В конце концов театр поглотил все состояние Новикова, и газета перешла в собственность его кредиторов — молодого, либерально настроенного купца С.И. Костерина и владельца типографии Н. Л. Жданова. Новые владельцы газеты сами были неспособны продолжать ее издание. Редактором ее они сделали Н. А. Ашешова, журналиста, писателя и литературного критика, высланного из столицы «за неблагонадежность».

Ашешов оказался энергичным организатором и быстро сумел привлечь к сотрудничеству в газете группу талантливой молодежи, высланной в Самару под надзор полиции. Первый исследователь самарского периода творчества М. Горького И. Груздев так характеризует «Самарскую газету» того времени и состав ее сотрудников: «Бульварный листок Новикова под редакцией Ашешова становится органом либеральной буржуазии, только что начавшей тогда вступать в общественно-политическую жизнь. Но при малой дифференцированности русского общества того времени «Самарская газета», естественно, объединяла все честные оппозиционные элементы, включая и радикально-революционные». Усилиями нового состава редакции газета совершенно изменяла свой облик и превращалась в солидный провинциальный орган. Вскоре после приезда в Самару А. М. Горький писал В. Г. Короленко, что «Самарская газета» имеет «все задатки для того, чтобы стать лучшей газетой Поволжья».

Немало места в газете уделялось литературе. В ней печатались произведения Н.Г. Гарина-Михайловского, А. Бостром (псевдоним матери А.Н.Толстого). Е. Н. Чирикова, П. Н. Потепенко, стихи местной поэтессы Е. Буланиной. Изредка перепечатывались произведения Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, переводы сочинений Г. Сенкевича. С «Самарской газетой» имели разнообразные творческие контакты В.Г. Короленко, А.И. Куприн, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Н.Г. Гарин-Михайловский. Непосредственным предшественником А.М. Горького в газете был Е.Н. Чириков, печатавший здесь свои фельетоны, рассказы, а также «Очерки русской жизни» за подписью Е. Валин.

Ко времени приезда Горького у газеты - новый хозяин, просвещенный и либерально настроенный купец С.И.Костерин, тираж газеты растет. Ее выписывают не только в Самаре, но и в Уфе, Симбирске, Оренбурге, Саратове, Астрахани, Казани...

«Нравилось, - пишет известный самарский филолог Михаил Перепелкин, - многоголосье газеты, создававшейся трудом людей, часто высказывавших противоположные, но стоящие друг друга по яркости и аргументированности точки зрения (...) на глазах удивленных горожан, газета все больше становилась похожа на зеркало города, то принимаясь за изображение «физиономий» его обитателей, то вдруг заговаривая на языке его площадей и «блошиных» рынков. Было что почитать и «публике с запросами»: переводы новинок западно-европейской литературы, фрагменты из сочинений Ницше...».

С другой стороны, В.Г. Короленко, как чуткий литератор и общественный деятель, уловил, что перспективное провинциальное издание переживает кризис. Чтобы его преодолеть «Самарская газета» нуждается в ярком, не боящимся острых тем,

задиристом и бескомпромиссным молодым журналисте. «К приглашению Горького редактора Ашешова побудили и просьба Короленко, и то, что в присланных рассказах сверкало свежее и совершенно оригинальное дарование. Кроме того, редакция нуждалась в экстренном и сильном

«подкреплении», переживая критический момент: в начале 1895 года от нее откололась группа, с Чириковым и Циммерманом во главе, перекочевавшая в «Самарский вестник»».

Что мог увидеть на рубеже XIX и XX веков посетитель редакции «Самарской газеты»? Войдя в парадную он оказывается в большой прихожей, левая дверь из которой вела в редакцию, а правая - в редакционную контору. Там, кроме стола заведующей Е.С. Ивановой стояла конторка, за которой сидел заведующий типографией Жданова Иван Андреевич Гусев. В комнате налево у окна стоял письменный стол редактора и несколько столов сотрудников. В глубине комнаты была еще одна дверь, которая вела в кабинет редактора - издателя Костерина, обставленный обычной казенной мебелью. Около полудня в редакции появлялся мальчик, который разносил чай и горячие французские булочки с вареной колбасой. Была еще одна небольшая комнатка, в которой стоял самовар, и откуда можно было попасть в корректорскую, комнату с окном во двор.

В конце февраля 1895 году в редакцию «Самарской Газеты» вошел высокий молодой человек. Он поздоровался со всеми низким голосом, окая, представился очеркистом и назвал свое имя. Как вы догадались это был А.М. Горький.

Экстравагантный молодой человек выбирает для себя соответствующий имиджу псевдоним – Иегудиил Хламида.

Иегудиил - по еврейским религиозным сказаниям, один из семи высших ангельских чинов; хламида - у древних греков и римлян плащ, перекинутый через левое плечо; в просторечье - несурзкая одежда (вспомним, что в Самаре Горький носил "крылатку" - широкий черный плащ).

Свою работу в «Самарской газете» Горький начал с того, что вел раздел-обозрение публикаций российской провинциальной прессы. Это дало возможность начинающему литератору познакомиться с широкой панорамой жизни России. Затем М. Горькому поручают вести раздел «Очерки и наброски», а с 14 мая – ежедневную фельетонную рубрику «Между прочим». Спустя пять месяцев, когда из газеты ушел ее главный редактор С. Гусев, Горький сел за его стол и почти пять месяцев редактировал газету, выпустив 63 номера.

В фельетонах Горького – Иегудиилы Хламида предстает довольно непривлекательный облик провинциальной Самары. После Нижнего Новгорода, бывшего одним из центров культуры Поволжья, наш город показался молодому литератору глубоко невежественным, воплощением провинциальной скуки и консерватизма. *Самара... также более грязна, пыльна и пахуча, чем, например, Казань или Астрахань; у нее более скверные мостовые, чем в Нижнем и Ярославле; она более неподвижна и более*

преисполнена косностью к умственным интересам, чем Симбирск; город удивительно сонный и тихий, точно умирающий от старческого маразма" – таков приговор Иегудиилы Хламида. У Горького мы читаем, что самарские улицы «немощены, изрыты колесами, дождями и свиньями. Дома «серые, сутулые, пропитанные многой скорбью жителей»; что городской бюджет в очень плачевном состоянии, а в думе всем ворочает "его степенство": "ворочает очень сильно, когда дело идет о его пользе, а если дело идет о пользе города, то ... и тогда не менее сильно ворочает, но тоже в свою пользу".

Со злой иронией Горький пишет о Самаре как о городе, в котором отсутствует культура:

«Ах! На Набережной города Самары следовало бы устроить такую же вывеску, как у жигулёвского завода, и на этой вывеске написать:

Смертный, входящий в Самару с надеждой в ней встретить культуру, Вспять возвратися, зане город сей груб и убог».

Самара город по тем временам прижимисто купеческий, рациональный, город, к литературному творчеству не приспособленный. Грязь, пыль, уличное хамство и «гламурные» вечера в кругу местной богемы. Противоречивый характер, совмещающий в себе несовместимое, это и есть тот самый самарский характер, поклонником которого Горький

не был, не мог им быть по определению.

В городе не имелось нормальных бытовых условий - и вместе с тем были все условия для праздной, "жирной" жизни и развлечений городской знати. Эта Самара в изображении начинающего писателя выглядит совершенно иначе, чем у составителей

рекламных путеводителей и парадных юбилейных описаний.

Одним из главных признаков Самары для Горького становится пыль (не только реальная, но и ставшая символом провинциальной затхлости, застоя):

«И мне думается, что, пока мы действительно соберёмся, засыплет нас песком, совсем, и с ушами засыплет. И на том месте, где некогда жила-была страна, зовомая Россия, будет необозримая песчаная равнина —

жёлтая, пустынная, знойная. И будут по ней рыскать степные волки, тощие, с поджатыми хвостами и ликом схожие с самарскими горчишниками ... Пыль на улицах – вещь хорошая, особенно в ветреный день. В двух шагах от себя своего должника не узнаешь. Воображаешь себя в Сахаре во время самума, натыкаешься на тумбы и фонарные столбы, принимаешь их за велосипедистов и извиняешься перед ними, вместо переулка попадаешь в окно магазина, и вообще пыль вызывает массу веселых приключений».

Многие отмечали регулярную планировку старой Самары, а молодой Пешков устами условного "странствующего рыцаря" дает ей такую характеристику: «этот до тошноты правильно распланированный город».

Учитывая, что Самара – город купеческий, Горький в своих газетных публикациях обращается именно к представителям этого слоя, взывая к их «человеческому достоинству»:

«Ныне купец силой событий вынужден играть в жизни едва ли не первенствующую роль.

В его руках – деньги, один из сильнейших рычагов жизни.

Он является крупной общественной силой, силой первостепенного значения, ибо интеллигенции мало и важнейшая пружина жизни страны в руках купца.

Он - фабрикант, он — экспортёр, он стоит у кормила самоуправления, у него в зависимости многое, и много он мог бы сделать для страны.

Но он не понимает своего жизненного значения, в набивании кармана он видит цель жизни, забывая о том, что человеку, сколько бы миллионов он ни имел, в конце концов всё-таки понадобится три аршина земли на кладбище и больше ничего.

Будучи типичным русским человеком, добродушным и грубым, способным в один час этому нищему дать в ухо, тому подать тысячу рублей милостыни, — как это делал Г.Ч., пребывая, несмотря на все обличения, самодуром, — он совершенно не умеет быть гражданином своей страны и очень плохой христианин.

Сидя на сундуке со своими тысячами, он никогда не помнит о других тысячах, — о тысячах людей, голодных, холодных и бесприютных, о которых он, — если бы верил словам Христа, — должен бы был позаботиться.

А кто из самарских богачей уделил что-либо от своих тысяч в пользу дома трудолюбия, учреждения, несомненно, глубоко христианского?

И кто из местных тысячников и миллионеров откликнулся на наш призыв помочь людям, ищущим мест прислуги, тем несчастным, что толпятся на Алексеевской площади у дома Бахаревой, — толпятся с утра до ночи на морозе?

Для них нужно только выстроить загородку, и стоит она много-много 100 рублей.

Какие дела, полезные городу, совершил данный состав думы и управы?

Что вообще хорошее и важное для города сделало наше богатое купечество, что оно делает и что предполагает сделать?

<...>

Хорош же этот класс, намеренный играть в своей стране историческую роль и забывший умыться!

Две тысячи лет тому назад у язычников-римлян представление о гражданине и о его роли в государстве было таково, что православным — миллионерам-христианам нынешних времён — со стыда сгореть следует пред язычниками-то!

Так уж пусть они, купцы, не обижаются, если в прессе их дикая жизнь отражается, как в зеркале.

Нужно быть почтенным для того, чтобы вызвать к себе почтение.

Нужно уважать других для того, чтоб иметь право на уважение к себе.

Нужно, наконец, быть грамотным, то есть умственно зрячим, для того, чтоб уметь судить о людях и о себе, и о прессе справедливо и предъявлять к ней разные претензии.

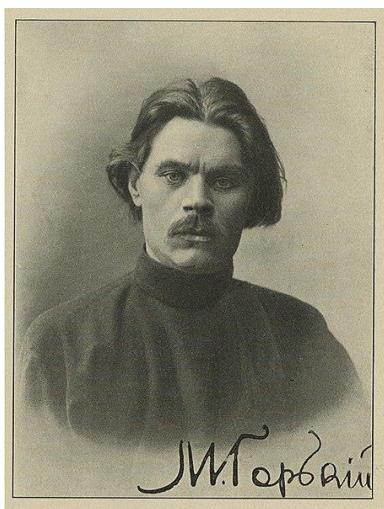
Нужно на себя оглянуться, господа купцы, да, взвесив своё жизненное значение, проверить, насколько ваша жизнь в её действии соответствует вашему значению».

Часто фельетоны Горького вызывали большой общественный резонанс, становились поводом для судебных разбирательств. Яркий пример – описанные Иегудиилой Хлаמידой вопиющие случаи детского травматизма на заводе купца Лебедева.

Горький позже говорил, что в Самаре он только оттачивал перо и фельетоны писал плохие. В ту пору он и не мог писать иначе. Он был зол на все и на всех: на город, на его жителей, на губернатора, на самого себя и на весь мир.

Несмотря на серьезное отношение Горького к факту, в его журналистской практике не обошлось без курьезов. Бывало и так. Однажды Горький перепутал место заседания комиссии депутатов и бильярдную: «Характер у Алексея Максимовича был сложный. К тому же самарские годы - годы трудного, едва ли не мучительного творческого поиска, а написанное здесь было все больше и не ко времени, и не к месту. В его журналистской карьере в Самаре случались и откровенные ляпы. Например, однажды по заданию редакции Горький отправляется на заседание самарского благотворительного общества. В дверях его встречает швейцар. «Господа уже собрались?» - спрашивает Горький. В бильярд играют. В бильярд? И давно? Да всегда. И вчера играли, и сегодня, и завтра играть будут». В гневе написал об этом в газете Горький-фельетонист. А оказывается, он просто адрес перепутал!

В редакции «Самарской газеты» произошла встреча, волшебно преобразившая жизнь ершистого Иегудиилы Хламиды.

Бегство из Нижнего было не только следствием его полуголодного существования, отравленного горькой необходимостью постоянно искать случайные заработки, и безуспешными попытками пробиться в петербургские или московские журналы. Во многом отъезд из Нижнего был продиктован и мучительной путаницей отношений с О.Ю. Каминской. Приехав в Самару, Горький немедленно печатает стихотворение «Прощай», в котором, наверное, не очень много истинной поэзии, но зато много истинной горечи и откровенных признаний.

*Прощай! Я поднял паруса
И встал со вздохом у руля,
И резвых чаек голоса
Да белой пены полоса —
Всё, чем прощается земля
Со мной... Прощай!
Мне даль пути грозит бедой,
И червь тоски мне сердце гложет,*

*И машет гривой вал седой...
Но — море всей своей водой
Тебя из сердца смыть не может!..*

О, нет!.. Прощай!

*Не замедляй последний час,
Который я с тобой вдвоём
Переживал уже не раз!
Нет, больше он не сблизит нас,
Напрасно мы чего-то ждём...*

Прощай!

*Зачем тебя я одевал
Роскошной мантией мечты?
Любя тебя, — я сознавал,
Что я себе красиво лгал
И что мечта моя — не ты!*

Зачем? Прощай!

*Любовь — всегда немного ложь,
И правда вечно в ссоре с ней;
Любви достойных долго ждешь,
А их всё нет... И создаешь
Из мяса в тряпках - нежных фей...*

Прощай!

*Прощай! Я поднял паруса
И встал со вздохом у руля,
И резвых чаек голоса
Да белой пены полоса -
Всё, чем прощается земля*

Со мной... Прощай!

Здесь, в нашем городе, писатель нашел свою «нежную фею» и любовь, в которой не было ни малейшей примеси лжи и фальши. Звали ее Екатерина Волжина. С.Т. Григорьев категорически утверждает: «Без Кати Волжиной Пешков не стал бы Максимом Горьким». Примерно такого же мнения и Я.Л. Тейтель, и Д.А. Смирнов.

Чем привлек аристократичную барышню экстравагантный молодой человек? Он вряд ли был принцем, о котором могла бы мечтать девушка ее возраста и ее статуса. Она – 20-летняя дворянка, дочь ученого-биолога. Он – босяк, нищета, без образования. И манеры у него были грубоватые. Но разве прикажешь сердцу?

Обаяние, таинственность могли заинтересовать любого, а умение рассказывать, поддерживать диалог, погружать собеседника (или собеседницу?) в глубины русской истории не оставляло никого

равнодушным. Фантазия Горького не знала границ: меняя темы своих произведений, он менял и псевдонимы. Их одновременно могло быть более десяти: «М.Г», «А.П.» «Х», «Некто Х», «Дон-Кихот», «Иегудиил Хламида», «Паскарелло». Молодой человек привлекал к себе всех, кто мог сопереживать ему. А таких было немало. И вот среди его коллег и друзей оказалась неопытная девятнадцатилетняя девушка.

Он покорила ее яркостью своей природы и печальным светом серых глаз. Екатерина и Алексей были совсем разные: она - из хорошей благовоспитанной купеческой семьи, он - из народа. Она

окончила гимназию с серебряной медалью, он был почти без образования.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Одним дедом Екатерины Павловны Волжиной был помещик, другим директор банка, но она и в раннем детстве в роскоши не купалась. Совсем наоборот. Так получилось, что оставленное ее отцу поместье ушло за долги, и в Самаре семья жила на съемных квартирах. А тут еще болезнь отца... Волжины перебивались случайными заработками. Потом, правда, Катина мама получила место заведующей столовой для голодающих. Место предполагало бесплатную квартиру при этой самой столовой, но жалование было ничтожным. Материальное положение оставалось настолько сложным, что около года Катя вовсе не училась, потом училась на деньги известной самарской меценатки Курлиной, а жила в общежитии при гимназии, которую тем не менее закончила с медалью и сертификатом, дающим возможность работать домашней учительницей. Но сделалась не учительницей, а корректором «Самарской газеты». Редактор Н.П. Ашешов пригласил ее на работу в качестве корректора.

Она аккуратна, красива, он одевался по-мужицки, любил простые поношенные вещи. Но разве мода и прочие условности могут советовать чувствам?

Первая встреча Кати и Алексея произошла при довольно странных обстоятельствах. Открыв дверь редакции, смущенная и испуганная девушка услышала шум и хохот. На столе стоял молодой очеркист Алексей Пешков и дирижировал; все были навеселе и пели: «Гаудеамус игитур». В замешательстве Катя закрыла дверь, но редактор Ашешов уговорил ее вернуться. С тех пор завтраки с выпивкой в редакции прекратились. Так начался этот «служебный роман», ставший судьбоносным для Алексея Пешкова и Кати Волжиной.

ОБЪЕКТ № 4. СТРУКОВСКИЙ САД

Одно из самых романтических мест Самары – Струковский сад. По его тенистым аллеям часто бродили влюбленный Алексей Пешков и Екатерина Волжина.

По всей России о Самаре ходила приятная для слуха молва как о городе, напоминающем своей планировкой северную столицу. Самару так и нарекли – маленький Санкт-Петербург. В Самаре сохранился и Струковский сад – в какой-то степени аналог Летнего сада в Питере по своей культурной и исторической значимости.

«Самара ... не имеет садов, и летом в ней можно вполне свободно задохнуться от пыли и жары, если вы не догадались отправиться за город или в Струковский сад – единственное место в городе, заросшее чем-то действительно похожим на деревья» – читаем мы в одном из фельетонов Горького.

До недавнего времени его официальное название было Парк культуры и отдыха имени А.М. Горького. Но, даже и в советское время, как и много лет назад, горожане именовали его Струковским, а порой и просто – Струкачи. О пребывании Алексея Максимовича в Самаре и его прогулках в Струковском саду напоминает бюст (Скульптор — Игорь Фёдоров.

*Пойду-ка я в публичный сад:
Им славится Самара-град...
Вот Волга-мать предо мной
Катит широкие струи,
И думы ширятся мои,
И над великою рекою
Свежею, крепну я душою.*

Так писал побывавший в нашем городе замечательный поэт и литературный критик Аполлон Григорьев.

Привлекали Струкачи и Горького – Иегудиил Хламиду: *«Вечерами, когда, изнывая от тоски, я сижу в моей комнате и из всех щелей этой комнаты на меня смотрят тёмные глаза одиночества и меланхоличные тени летней ночи собираются за*

окнами и безмолвно заглядывают в стёкла их, — невольно в душу мне закрадываются мысли на тему: «Не добро человеку быть единому» - и, минорно настроенный, я ухожу в Струковский сад.

Там, по большой скотопрогонной аллее и по аллее, смежной с ней, густой и медленной волной течёт самарская жизнь; клубы пыли вьются над ней, слышен запах цветов, тихий шелест листвы, что-то шепчущей закопчённому самарянами небу, слышен смех, слышен говор, и господин Мраз старательно производит большой музыкальный шум, исполняя творения европейских композиторов на зулусский лад.

Там я, холостой человек, Иегудиил Хламида, будущая жертва пенатов (родной дом, домашний очаг. сажусь в укромный уголок и из него рассматриваю прекрасных самарянок и прислушиваюсь к музыке речей их, и я смотрю на них с восхищением вплоть до той поры, пока не вспомню, что, быть может, скоро уж одна из них наречёт меня своим мужем, — и тогда предчувствие сей опасности охлаждает пыл моего восхищения.

Я смотрю на них, — а они дефилируют мимо меня все в бантиках, кантиках и прочих сантиментиках, в аромате духов и в пыли и щебечут, как те грациозные серые птички, которых в деревнях несправедливо и немзыкально именуют «трясогузками».

Любопытно описывает нравы Струковского сада купец и краевед К.П. Головкин. Центральная аллея называлась «скотопрогонной». По ней гуляла демократическая часть обывателей города – «горчица» со своими «дамами» - и подростки. Приличная публика избегала этой аллеи и гуляла по набережной и по предвокзальной аллее.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Струковский сад построен по законам красоты ландшафтной архитектуры.

Когда-то это был лесной массив на окраине города. Он принадлежал управляющему Илецкими соляными промыслами Г.Н. Струкову, который построил здесь усадьбу, разбил сад. С 1828 года правление промыслами перебазировалось в Соль-Илецк. Сад на берегу Волги постепенно пришел в полное запустение. В 1854 году он был конфискован за недоимки владельца и выставлен на торги. Новым хозяином стал поручик Д.Е. Обухов, который, впрочем, тут же изъявил желание уступить его городскому обществу. Позже город приобрел еще несколько участков смежной земли, снес избы с хозяйственными постройками, отделявшие сад от Волги, и его площадь стала составлять более семи гектаров.

Превращение частного владения в общественный сад произошло, однако, за несколько лет до приобретения его городом. В мае 1849 года Самару посетил Симбирский губернатор П.Д. Черкасский. Князь удивился, что такое прекрасное место пустует, предложил привести сад в порядок и отвести для общественных прогулок.

Когда Самара в 1851 году стала губернским городом, начальник губернии С.Г. Волховский распорядился поставить в саду вокзал с танцевальным залом, диванной и комнатой для игры в карты. В 1877 г. был построен вокзал по проекту архитектора Рошфора. Слово «воксал» первоначально означало помещение для музыкальных концертов в саду по типу лондонского «Воксхолла». В Павловске к такому вокзалу была проведена железная дорога, откуда это название перешло на все станционные помещения.

Вокзал Струковского сада состоял из зрительного зала со сценой и местом для оркестра, столовой и буфета, двух чайных павильонов, гостиной с камином и бильярдной. Внутри был меблирован венской мебелью, а террасы чугунной. Окна убраны полотняными шторами, стены оклеены обоями.

Рядом с вокзалом построили кухню, возвели два павильона для продажи минеральных и фруктовых вод, здание Коммерческого клуба.

Сад стал подобием клуба, которым пользовались за небольшую плату. В первый же год он принес дохода около 700 рублей. Эти деньги позволили нанять садовника, сторожа, вести расчистку сада, полив насаждений и сделать частично ограждение сада. Когда в 1854 году сад официально стал собственностью города, в нем сделали еще две аллеи, построили оранжерею, а несколько позже и парники в которых выращивали цветы, растения и даже овощи на продажу.

Струковский сад был прекрасным уголком природы, и здесь можно было отдыхать, не выезжая за город. Наверно, именно поэтому в 1878 г. в саду появилась летняя дача губернатора - двухэтажный деревянный дом с хозяйственными службами. Самарский губернатор здесь не только отдыхал, но и продолжал работу - знакомился с документами, принимал посетителей.

По настоянию губернатора К.К. Грота, поклонника садоводства, Струковский сад передали в ведение чиновника Министерства государственных имуществ С.С. Лошкарева, «...который не щадил своих трудов на общую пользу». Сад наполнился цветами, в нем появился фонтан, широкая лестница для удобства спуска с горы. Но менялись содержатели сада, получаемый ими доход был незначительный, и место общественного пользования все больше приходило в упадок. В 1871 году Самарская городская дума решила отказаться от услуг содержателей и полностью взять заботу о саде на себя. Выделили 1800 рублей, избрали садовую комиссию, в которую вошли известные любители садоводства П.В.Алабин, И.Л. Санин, Е.Н. Аннаев.

С этого времени Струковский сад стал местом проведения многих торжеств. Здесь встречали и устраивали пышные обеды в честь высоких гостей города, массовые гуляния в дни больших праздников, сюда приходили горожане просто отдохнуть, погулять по тенистым аллеям, полюбоваться Волгой.

В 1886 г. сад снова расширили до обрыва Волги, устроили новую набережную аллею, беседки. В эти же годы в саду был построен Дворянский клуб, помещение летнего театра, грот. К услугам публики работал и кегельбан, и тир. Через год были установлены два фонтана.

Самарские предприниматели устраивали в саду различные развлечения для публики. Так в конце XIX - начале XX веков в Струковском саду уже работал фонограф (аппарат для воспроизведения и записи звука), скейтинг-ринг (площадка для катания на роликовых коньках), гимнастическая площадка, проходили представления цирка-шапито, желающие узнать свой вес могли воспользоваться за определенную плату американскими весами.

В 1898 г. в Самаре состоялись первые сеансы синемаатографа. Самый крупный показ из трех отделений и 50 картин прошел в Струковском саду 29 мая. Демонстрировались картины «Дуэль», «Драка женщины», «Торжество Святого коронования Государя императора Николая II» и масса других. Кино настолько понравилось публике, что многие захотели посмотреть еще раз.

Если первые сеансы синемаатографа были привозными, то в последующие годы в городе стали приспособлять отдельные здания под постоянный показ картин. Называли их биоскопами. В 1907 г. именно в Струковском саду было построено первое специальное каменное здание биоскопа. Детям, посещающим сад, показывали обучающие фильмы (три копейки для учащихся городских школ, пять копеек для учащихся средних учебных заведений).

С семи до одиннадцати часов вечера в саду в специальной беседке играл оркестр бальной или военной музыки, затем музыканты перебирались в здание вокзала и до двух часов ночи исполняли различные заказы посетителей ресторана. Кстати, знаменитый вальс Ильи Шатрова «На сопках Маньчжурии» впервые был напечатан и исполнен в Самаре в Струковском саду (1906 г.) при большом стечении народа. Вальс быстро получил распространение по всей России. Успех превзошел все ожидания.

В конце XIX в. на берегу Волги напротив сада устроили купальню. Это было оригинальное сооружение, стоящее на якоре в 10 метрах от берега. Купальня состояла из мужской и женской частей, а также было отделение для супружеских пар. Поскольку пляжа в то время еще не было, купальня являлась для самарцев пикантным развлечением. А для некоторых посетителей сада наблюдение за купающимися тоже было своего рода развлечением.

Обычно вход в сад и вокзал был бесплатным, кроме организованных народных гуляний, спектаклей, концертов. Например, 30 июля 1891 г. прошло гулянье с иллюминацией. Наверху у грота были поставлены фигуры из стаканчиков. Сад непрерывно освещался бенгальскими огнями. В заключение наверху у фонтана были показаны туманные картины, по окончании которых поставлен Эдисонский маяк, освещающий всю местность электрическим светом. На религиозные праздники платных гуляний не устраивали, чтобы сад могли посещать и бедные люди.

В советские годы, особенно в связи с переходом на пятидневную рабочую неделю, у горожан стало больше времени для отдыха. В Струковском саду появились новые сооружения: закрытый плавательный бассейн, летний театр, танцевальная площадка, зона аттракционов и развлечений. Летом работал цирк Шапито, на эстраде выступали профессиональные и любительские коллективы, на лавочках вели поединки завзятые шахматисты. Зимой аллеи сада заливались водой и отдавались в распоряжение любителей катания на коньках.

Струковскому саду почти 200 лет. Он переживал и времена запустения, и времена расцвета. Но, несмотря ни на что, всегда был местом отдыха и развлечений горожан, местом общения, свиданий и встреч. Доброй традицией стали великолепный фестиваль цветов, музыкальные фестивали.

Новогодний вечер (как сейчас бы сказали – редакционный корпоратив) 1896 года затянулся до утра. Алексей Пешков, как воспитанный кавалер, пошел провожать свою даму - Екатерину Волжину. Под ногами скрипел снег, почти пел. Во всем было что-то волшебное, романтическое, навевающее «грезы о счастье». В то утро молодые люди признались друг другу в любви. Екатерина согласилась стать женой Алексея Пешкова.

Но иллюзия счастья была очень скоро разрушена вмешательством родственников. Особенно осуждала решение дочери Мария Александровна Волжина. Ее пугала молодость девушки и «прошлая непоседливая жизнь» Горького. Как большинство родителей, она считала Катю неопытной, несколько безрассудной и пыталась отговорить от серьезного шага. Но девушка не сдавалась, настаивала на своем. Тогда сопротивление родителей неожиданно перешло в атаку: Катю отправили к родным в Кронштадт и Петербург. Однако родители, как всегда, совершили ошибку: отдавая дочь от «неблагонадежного» друга, они добились обратного. В разлуке девушка окончательно решила связать жизнь с Максимом Горьким. К тому же во время ее отсутствия Алексей часто навещал заболевшего Павла Николаевича Волжина, отца невесты, помогал, в том числе деньгами, носил лекарства. Наверняка Горький был убедителен в своей настойчивости. У мужчин было время оценить друг друга, и разрешение на свадьбу было получено.

Вот одно из писем Алексея Максимовича: *«Дорогой мой, милый друг – с глубоким чувством благодарности, с искренним уважением целую твою руку. И, вероятно, первый раз за всю жизнь я испытываю такое радостное, родственное и чистое чувство. Улыбаюсь всей душой: мне кажется - я первый, кто удостоился такого отношения от женщины, как твое ко мне. Твой Алексей»*. Сколько нежности, доверия в этих словах.

Сопротивление родителей было сломлено, но возникла другая проблема. Из-за имевшей место еще в Нижнем Новгороде попытки самоубийства Горькому было запрещено венчаться в церкви (он был подвергнут отлучению от церкви сроком на семь лет). Но и это препятствие влюблённые преодолели! В августе 1896 года Екатерина Павловна стала женой Алексея Пешкова.

Собор Вознесения
Господня -
единственный
сохранившийся в нашем
городе образец
классицизма. Закладка
церкви состоялась в
1841 году, а возведение
продолжалось около
восьми лет.

В этом соборе 30
августа 1896 года
венчался сам
знаменитый

«буревестник революции», а тогда фельетонист «Самарской газеты» и очаровательный корректор этой газеты Екатерина Волжина.

Обряд венчания совершил кафедральный протоиерей Валериан Викторович Лаврский – хороший знакомый благоволившей к Горькому М.С. Позерн и легендарная в своем роде личность. Однокашник критика Н.А. Добролюбова по Нижегородской духовной семинарии – и не просто однокашник, а близкий друг, брат жены известного ученого-этнографа Г.Н. Потанина, «большой знаток Канта», корреспондент П.А. Флоренского и В.В. Лесевича, он писал религиозно-публицистические статьи, редактировал епархиальные ведомости, вел большую общественную работу.

Поручителями со стороны жениха выступили самарский купец и издатель «Самарской газеты» С.И. Костерин и дворянин Н.А. Самойлов, со стороны невесты – студент Казанского университета А.Н. Ванатаев и кандидаты прав Е.О. Юрин и А.А. Смирнов.

Молодые супруги после свадьбы уехали в Нижний Новгород и бывали потом в Самаре наездами. Так, когда родился сын Максим, они приезжали всей семьей в 1898 году в город и останавливались на даче М. С. Позерн на Барбошиной Поляне.

История этой любви окончилась печально.

Однажды почувствовав себя новым человеком, твердо стоящим на ногах. Горький решил, что любовь к Екатерине Павловне – позади. Прошлое оказалось ненужным, отжившим. Они расстались в 1904 году.

В двадцать лет она стала женой безвестного провинциального литератора, вместе с ним прошла весь путь от подножия славы до ее вершины, была знакома с властителями дум – Львом Толстым, Чеховым... Оставленная мужем с двумя детьми – шестилетним Максимом и трехлетней Катей, – сумела подняться над обидой на него и сохранить

дружеские отношения, продолжавшиеся до его кончины. Схоронила обоих детей – дочь в пятилетнем возрасте, сына – не дожившим до сорока. С середины XX века связала свою жизнь с деятельностью общественных организаций, с 1922 по 1937 возглавляла Политический Красный Крест – организацию Помощи политическим заключенным, «странную», по словам Н.Я. Мандельштам, в силу того, что «сама идея помощи политзаключенным находилась в явном противоречии со всем <...> укладом – сколько людей отправились на каторгу и в одиночные камеры только потому, что были просто знакомы с людьми, подвергшимися каре?». Но та же Надежда Мандельштам, мемуарист, заметим, далекий от елейных славословий в чей-либо адрес, говорила о том, что жены арестованных «проторили дорогу <...> к Пешковой. Туда ходили, в сущности, просто поболтать и отвести душу, и это давало иллюзию деятельности, столь необходимую в периоды тягостного ожидания».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Одним из принципов работы Политического Красного Креста с дореволюционных времен было, - пишет «Мемориал», - условие недопустимости финансирования за счет властей. Средства в «Помощь политическим заключенным» поступали от эмигрантских организаций, нелегальных партийных Красных Крестов эсеров и меньшевиков, от Черного Креста анархистов, деятельной участницей которого была, кстати, Лидия Корнеевна Чуковская. Большую активность проявлял нью-йоркский Международный комитет помощи политзаключенным в России, привлечший к своей работе Герберта Уэллса, Томаса Манна, Бернарда Шоу, Ромэна Роллана, Анатоля Франса, Альберта Эйнштейна и других западных интеллектуалов. До поры до времени в Москве устраивались благотворительные концерты, спектакли, лекции, литературные чтения и лотереи в пользу политических. На них выступали известные артисты, музыканты, писатели. Филантропам из «Помполита» старались помочь Викентий Вересаев, Михаил Чехов, Александра Львовна Толстая, свояченица Короленко Прасковья Ивановская, соратник Бакунина Михаил Сажин... Увы, со временем вспомоществования иссякли, и функция помощников Пешковой свелась к роли справочного бюро. Да и с этой задачей справлялись с трудом, так как с каждым годом поток осужденных становился все больше и больше.

Приведем очень точную и яркую характеристику этой замечательной женщины из мемуаров вдовы Исаака Бабеля А. Пирожковой.

«Узнавая ее ближе, – пишет мемуаристка, – я не переставала и любоваться, и восхищаться ею; она была красива той мягкой красотой, которой отличаются часто женщины высокого интеллекта. Черты лица правильные, красивые серые глаза, но самое главное – выражение ее лица. Оно было чудесным, она была сдержанной в проявлении чувств, казалась строгой, не любила пустой болтовни и была очень женственной несмотря на возраст. Все ее движения были неторопливыми, походка легкая, жесты скупые, она была полна изящества. Не любила много говорить и любила

слушать. Как-то раз говорили про гневных людей, и Екатерина Павловна сказала: «Мне жаль людей, которые могут гневаться». Эту ее фразу я всегда помню».

Последняя любовь адмирала Колчака, Анна Тимирева-Книпер, вспоминала о Екатерине Волжиной:

«Всегда, встречаясь с ней, я не переставала изумляться: как, прожив такую долгую, сложную жизнь, сталкиваясь со столькими людьми, всякими - как она сумела до глубокой старости сохранить абсолютную чистоту души и воображения, такую веру в человека и сердце, полное любви. И полное

отсутствие сентиментальности и ханжества. Она была очень терпима к людям - к женщинам, - и, когда я ее по ходу разговора спросила: «Да неужели в молодости вы никем не увлекались, за вами никто не ухаживал?» - она ответила почти сердито: «Мне некогда было, я все уроки давала».

«Золотое сердечко» - скажет о жене Горького Марина Цветаева. Несмотря на предательство супруга, Екатерина нашла в себе духовные силы простить его. Только ее письмо спасло Алексея Максимовича от крупного скандала в Америке. От отправился в эту страну пропагандировать идеи русской революции и искать инвестиций для партии большевиков. Сопровождала писателя его новая возлюбленная - актриса Андреева. Американская пресса поднимает шум - путешествует-то всемирно известный писатель с любовницей и вообще - он многоженец. В те времена американцы, как это ни странно звучит, были страшные пуритане. Знаете, кто разрядил обстановку? Брошенная жена. Проявив редкое благородство, Екатерина Павловна написала письмо мэру Нью-Йорка, в котором дезавуировала обвинения (официально брак расторгнут не был), американские газеты письмо опубликовали.

Прожив долгую жизнь, Екатерина Павловна Пешкова оказывала постоянную большую помощь открытому в 1946 году в Самаре (тогда еще Куйбышеве) литературному музею М. Горького.

ОБЪЕКТ № 6. САМАРСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМ. М. ГОРЬКОГО
пл. Чапаева, д. 1.

«В городе есть театр, красное здание очень занимательного архитектурного стиля», - писал М. Горький в марте 1896 года, характеризуя наиболее значительные приметы Самары.

Алексея Максимовича привлекало не только само театральное здание, но и, разумеется, то, что там происходило. В Самаре Горький впервые выступил и как профессиональный журналист, и как театральный рецензент. Самарский театральный опыт во многом сформировал и будущего Горького-драматурга.

В Самаре Горький пристрастился к театру. Здесь сначала по необходимости, а потом и по внутренней потребности он начал писать театральные рецензии. Первые из них - сплошное, грубое, решительное отрицание. Он пишет об актерах в таком же обличительном тоне. Как об обычных персонажах своих фельетонов. Он видит на сцене лишь ремесло, ложь, кривляние, фальшь. Театральные впечатления оказались в одном ряду с обличениями дурных нравов и провинциального невежества.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Здание Самарского городского театра было построено в 1888 г. по проекту московского архитектора Михаила Николаевича Чичагова. По своей творческой направленности Чичагов примыкал к группе архитекторов, которые пытались противопоставить эклектичной архитектуре XIX столетия зодчество «чисто русское», основанное на архитектуре, сложившейся в московском строительстве еще в XVII в. Попытка такой стилизации архитектуры, при использовании не свойственных для нее классических (симметричных) композиций, а также новых строительных материалов (металл, большемерное стекло, железобетон) противоречила архитектурной форме XVII в. и социальным требованиям времени развития капиталистических отношений в России.

Здание театра по стилистической классификации относится к псевдорусской архитектуре, с имитацией форм московского зодчества XVII в. Его художественный образ построен по симметричной композиции, в которой ведущее место занимают фланкирующие на главном фасаде башни с шатровыми крышами, характерными для боярских хором и теремов. Венчающая часть главного фасада, особенно башен, имеет богатое убранство в форме многоярусной структуры декоративных средств русского зодчества: «бегунцов», «поробрика», орнаментированных спаренных «кокошников» и других, элементов. В центре фасада межколонные простенки украшены сплошной многоярусной структурой «дынок».

Художественная сила венчающей части и второго этажа здания подчеркивается лаконичным убранством первого этажа, где архитектурные формы дверей и окон весьма скромно представлены на фоне рустованного поля стены.

Строительство здания осуществлялось в течение двух лет (1887-1888) подрядным способом по отдельным видам работ. Архитектурно-техническое руководство было возложено на главного архитектора города К. Д. Гордева и его помощника - техника И. П. Куроедова. Архитектор Чичагов непосредственного участия в строительстве не принимал.

Здание было построено архитектурно грамотно и технически добротно, что закрепило за ним подкупающее качество, которое поставило театр в ряд примечательных сооружений города.

Новое здание жители города приняли на ура. Один из современников писал: «Театр вышел хорошенький, очень красивый, и можно смело сказать, что Самара счастлива своим театром, гордится им, любит его, даже чванится и несколько не жалеет затраченной суммы». Сумма же и впрямь была немалая - 169464 рубля 99 копеек. Газета «Самарский листок», не удержавшись, съязвила по этому поводу: «Или дума, как Пошлепкина, сама себя высекала, или ее надули».

К сожалению, в 1967 г. при капитальной реконструкции здания эти качественные стороны были снижены, Несомненно, перестройка улучшила функциональную сторону театра, особенно его сценической части, но наряду с этим, безвозвратно отняла от его внешнего облика объемно-композиционную и свойственную русскому зодчеству лирическую привлекательность архитектурных форм и деталей. В наши дни архитектуру здания театра 1888 г. представляет только фасадная часть, обращенная на площадь им. В. И. Чапаева.

Свои отзывы о спектаклях Иегудиил Хламида основывает на суждениях об актерах и только об актерах, тем самым выбирая наиболее трудный из путей театрального критика. Так с самого начала Горький определит одну из важнейших задач своих театральных рецензий. Борьба с фальшью, наигрышем и кривлянием, дурным ремесленничеством и безответственным дилетантством надолго становится для него главной темой. Он требует профессионального и честного отношения к искусству, требует, чтобы актеры не растворились в невежественной массе

провинциального мещанства, а помнили о своем общественном долге, ответственности за театр и его высоком назначении. Театр был под стать городу. Одно название что драматический – а на самом деле походил на некое собрание увлечённых комиков:

«В этом театре в узаконенное время играет труппа людей, более или менее смело называющих себя артистами. В истекший сезон некоторые монстры, никому не известные как артисты, но вполне обладавшие смелостью, достаточной для того, чтобы изображать из себя артистов, переряжаясь в разнообразные костюмы и в них выступая перед публикой, произносили разные слова, из чего самарская публика несколько поспешно и с большим добродушием заключила, что это они "играют". Они благополучно играли с публикой и авторами пьес почти весь сезон, затем один из них поссорился с антрепренёршей, не уступившей его желанию дважды получить с неё одни и те же деньги, и потом они скрылись, не особенно надоевши городу, что вышло только потому, что сезон был очень краток. Когда они уезжали, никто не плакал о них, кроме нескольких психопатов и, быть может, ещё квартирохозяев этих господ, если эти господа не заплатили им денег ...

Театром заведует театральная комиссия, которую дума выбрала не столько для этой именно цели, сколько для своего развлечения, как кажется. Ей, думе, очень нравится самый факт существования комиссии, ей нравится комиссия, так сказать, как субстанция.

И некто так объяснял мне причины возникновения комиссии:

Большинство думы - "их степенства". В массе их торчат несколько интеллигентов и весьма часто очень ошутительно заявляют о своём существовании. Это не может нравиться действительным отцам города, потому что не может не мешать им в городском хозяйстве. И вот, желая локализовать деятельность интеллигентов, решили их как-нибудь утихомирить, а для сего и рассовали в разные премудрые комиссии, желая отягчить их трудом настолько, чтобы они потеряли охоту к разным выспренним мечтам. Пусть они утомятся и несколько ослабнут...

Тогда будут покойнее.

В сих якобы видах основана и театральная комиссия.

Как человек, недавно сюда прибывший и ещё не принявшийся к тутошним делишкам, не рассмотревши их тайных пружин, я, конечно, не могу утверждать только со слов господина "некто", что всё сказанное о комиссиях - настоящая правда.

Но я ничего не имею против того, если бы это было правдой. Это - умно, если это правда, а я всегда с большим любопытством отношусь ко всевозможным проявлениям человеческого ума - от индусской философии до клеветы из-за угла включительно».

Тянуло Горького – ясное дело – к Волге. Один из современников писал: «Что в Самаре хорошо, интересно в художественном отношении – это Волга, а главное – пристань ... Какая масса судов, и страшно разнообразных! – и носовые, которые мне нравятся более других,

беляны, баржи, барки, дощанки, кладушки, рыбницы, просто лодки, завозки и т.д. – всё это крайне живописно, а также люди, какие типы, какие костюмы, какие фигуры! Везде жизнь, движение, суета... Крик, шум, завывание торговков и торговцев, свист пароходов, музыка, песни, весь этот невообразимый хаос поражает».

Удивительно, но это место чуть ли не единственное в городе, которое обошло стороною перо язвительного Иегудиила Хламида. Сам будучи средневожских корней, он испытывал восторг, когда оказывался там, среди привычной стихии – по делам или же просто прогуляться. Тем более что выбранная Максимом Горьким профессия позволяла ему совмещать приятное с полезным.

Больше того, наш герой, когда писал о Самаре, отмечал надёжность именно этого объекта городской инфраструктуры: «У неё есть каменная набережная, построенная для защиты города от надвигающейся на него песчаной косы. Эта здоровая стена из камня достаточно тверда, и я уверен, что она неподвижно будет стоять на своём месте и тогда, когда пароходные общества, убегая от налагаемой на них городом береговой контрибуции, переведут свои пристани в Рождественно... и тогда, когда сама Волга удерёт от Самары».

Впрочем, этого по сей день не случилось и, смеем предположить, не случится и впредь.

Мы завершаем наш литературно-исторический экскурс. Надеюсь, что вас заинтересовала личность и творчество А.М. Горького.

Горький прожил в Самаре всего 15 месяцев. Но он оставил в городе заметный след. Сегодня о пребывании Горького в нашем городе напоминают не только литературно-мемориальный музей и мемориальные доски. Имя писателя носит академический театр драмы. Именем Горького названа одна из центральных улиц Самары- именно здесь, у Волги, так любил бывать писатель.

Имя Горького носит центральный парк культуры и отдыха – Загородный парк. В Струковском саду, где нередко прогуливался писатель, установлен памятный бюст работы скульптора Игоря Фёдорова.

В доме Д.С. Кишкина, где жил А.М. Горький, был создан литературно-мемориальный музей имени А.М. Горького. В настоящее время экспозиция временно находится в фонде музея А. Толстого и преобразована в интерактивную выставку «Горький Центр». Концепция современной выставки сотрудника нового центра Ильи Приданцева и дизайнера Анастасии Альбакриновой вписывает имя забытого пролетарского писателя в современное арт-пространство Самары.

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

- Горький, А.М. Между прочим: (мелочи, наброски и т.д.); фельетоны в «Самарской газете» 1895 – 1898 / А.М. Горький. – Куйбышев: Огиз, 1941. – 327 с.
- Балухатый, С. Фельетоны Иегудила Хламиды в «Самарской газете» (из истории ранней публицистики М. Горького / С. Балухатый // Вопросы поэтики: сб. статей. – Л., 1990. – С. 244 – 278.
- Беликов, А.П. Ностальгия по Струковскому саду / А.П. Беликов // Волж. заря. – 2005. - № 130 (24 нояб.). – С. 6
- Бондаренко, А. 15 месяцев с Иегудиилом Хламидой : [О работе М. Горького в "Самар. газ."] / А. Бондаренко // Самар. газ. - 2004. - 28 янв.- С.5.
- Внукова, С. Вторая жена и первая правозащитница: [история отношений А.М. Горького и Е.П. Пешковой, начавшаяся в самар. период жизни писателя] / С. Внукова // Самар. газ. - 2009. - 17 янв.- С. 5.; 16 февр.-С.6
- Голубков, С.А. Алексей Максимович Горький (Пешков) / С.А. Голубков // О Волге наше слово. – Куйбышев, 1987. – С. 64-74.
- Дарская, М. Самарчанка спасла Горького от несчастной любви: телеканал "РИО" покажет фильм про пролетар. писателя / М. Дарская // Комсом. правда - Самара. - 2007. - 24-31 мая. - С.20.
- Дементьев, А. Горький вернется? / А. Дементьев // Самар. газ. – 2008. - № 28. – 16 февраля.
- Елесина, М.П. Воспоминания о встречах и женитьбе Горького [на Екатерине Волжиной в Самаре] : [из фондов Музея им. М. Горького] / М. П. Елесина // Performance=Представление. - 2009. - № 1-3. - С. 14-15.

- Журчева, О. Горький возвращается? : [о роли писателя М. Горького в самар. театрал. жизни] / О. Журчева // Свежая газ. Культура. - 2013. - № 1. - С. 14-15.
- Завальный, А.Н. Самара со всех сторон: 555 невыдуманных историй / А.Н. Завальный. – Самара: Издание П.А. Покровского, 2003. – 256 с.
- Зубова, О.В. Струковский сад / О.В. Зубова //Краеведческие записки. Вып. 10. – Самара, 2003. – С. 72-78.
- Игнашов, А. Город, преданный анафеме / А. Игнашов // Самар. судьбы. – 2007. - № 12. – С. 40 – 49.
- Игнашов, А. Катя "золотое сердце": Екатерина Пешкова (1876-1965): [история жизни самар. жены Максима Горького, ее связи с Самарой] / А. Игнашов // Самар. судьбы. - 2010. - № 11. - С. 34-45.
- Каркарьян, В.Г. Там, где жил М. Горький / В.Г. Каркарьян // Каркарьян В.Г. По улицам старой Самары. – Куйбышев, 1988. – С. 18 – 22.
- Комин, В. Проклятый город: [о периоде работы в "Самарской газете" писателя Максима Горького] / В. Комин // Волж. коммуна. - 2008. - 27 сент. - С.10.
- Крамарева, И. «Любимое общественное гульбище» / И. Крамарева // Самара и губерния. – 2004. - № 3. – С. 62-64
- Максим Горький и Самара / сост. Л.А. Финк, В.З. Иванов-Паймен. – Куйбышев: Куйбышевское кн. изд- во, 1968. – 432 с.
- Мартиновская, А.И. По страницам «Самарской газеты» 1905 года / А.И. Мартиновская // Самарский краевед / сост. А.Н. Завальный. – Куйбышев, 1990. – С. 148 – 163.
- Мартиновская, А.И. Горький Максим / А.И. Мартиновская // Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии: А - Д. – Самара, 1993. – С. 191-292.
- Перепелкин, М.А. «Золотое сердечко» Екатерины Пешковой / М.А. Перепелкин // Performance. – 2006. - № 2-3. – С. 16 – 20.
- Перепелкин, М. Горько!: [история жизни К.П. Волжиной - первой жены Максима Горького, ее связи с Самарой] / М. Перепелкин // Chief Time. - 2013. - февр. - март. - С. 38-39.
- Перепелкин, М. "Дядя Алеша, расскажи сказочку...": [в воспоминаниях самар. жительницы Елесиной о встречах и женитьбе М. Горького на Екатерине Волжиной в Самаре] / М. Перепелкин // Performance=Представление. - 2009. - № 1-3. - С. 12-13.
- Публика слушала мнение Горького //Драматический имени Горького. – Куйбышев, 1976. – С. 34 – 62.
- Рутин, Г.А. Горький в Самаре (Путь в четыре столетия) / Г.А. Рутин // Волж. коммуна. – 1982. – 4 августа.

- Сазонова, А. Служебный роман: [Максим Горький и его жена Екатерина Волжина] / А. Сазонова. // Самар. газ. - 1998. - 17 сент. - С. 5.
- Соловьева, И. Прогулка с великими : [маршрут от Струковского сада до драмтеатра по домам с мемориал. досками, где жили извест. самарцы или гости города] / И. Соловьева // Самар. газ. - 2014. - 3 июля. - С. 12.
- Самара: культура провинции / под ред. В.П. Скобелева. – Самара: IBT International, 1995. – 184 с., ил. – (Неизвестная Россия).
- Стрелкова, З. Самарское счастье Максима Горького: [о встречах М. Горького с О.Ю. Каминской и Е. Волжиной] / З. Стрелкова// Performance=Представление. - 2010. - № 1-2 (35-36). - С. 54-57.
- Финк, Л. «На страже всего чистого»: [Горький и Самара] / Л. Финк// Имена: штрихи к портретам. – Самара, 2000. – С. 68 - 73.
- Храмков, Л.В. Литература и Самарский край / Л.В. Храмков // Храмков Л.В. Введение в Самарское краеведение. – Самара, 2003. – С. 316 - 320.
- Чибриков, В. Он работал в "Самарской Газете": [О работе М.Горького в "Самар. газ."] / В. Чибриков // Самар. газ. - 2003. - 29 марта.- С.8.
- Чупахин, Н.С. А.М. Горький – публицист и фельетонист «Самарской газеты» / Н.С. Чупахин // Советские писатели и Среднее Поволжье: сб. статей. – Куйбышев, 1959. – С.9-73.
- Янкина, Л.А. Горький и «Самарская газета» начала 900-х годов / Л.А. Янкина // Вопросы русской и зарубежной литературы: т. 2. – Куйбышев, 1966. – С. 226-242.